

Мария Козими́рова

СЛЕДЫ

Рассказы

Мария Козимилова

Следы. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29607624

ISBN 9785449039644

Аннотация

Прекрасные жизненные рассказы о счастливой и несчастной, недоброй и прекрасной, грустной и весёлой жизни, которые переносят читателя в те времена советского постпространства, когда людям очень мало было нужно для счастья. Приятного вам прочтения!

Содержание

РОМЕО	5
ПО ЯГОДУ (из детства)	7
МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР	14
НЕ СМОТРЮ	17
ЦЫГАНКА	19
СВИДАНИЕ С МУРИНО	29
ВОТ ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ	34
СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ...	37
ЧАСТЬ 1	41
ЧАСТЬ 2	44
ЧАСТЬ 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Следы Рассказы

Мария Козими́рова

© Мария Козими́рова, 2018

ISBN 978-5-4490-3964-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОМЕО

В конце долгого жизненного пути, при пристальном рассмотрении и при здравом рассуждении, я поняла, что меня окружали, и сейчас ещё кое-кто остался, исключительно люди умные. И когда мне в глаза говорили, что я дура, я как-то пыталась этому противостоять. Выходит, зря. Честно сказать, впервые громко, и при всех, не знаю почему, меня так назвал мой Ромео. Ромео, это Колька – Сопля. На такое, нелестное прозвище Колька не обращал внимания, ибо это была правда. По этой причине, и при отсутствии носового платка (а у кого они были?) он постоянно швыркал носом. Но это не главное. В те, даже в сильный телескоп невидимые, времена, мы, дети разных возрастов, по субботам и воскресеньям, с утра усаживались на прясла у околицы и открывали широкие жердяные ворота всем проходящим и проезжающим на телегах, и на бричках. Люди ехали через нашу деревню в большое село, в Зырянку, в церковь. В благодарность некоторые бросали на дорогу мелочь, копейки, и мы, как стайка воробьев на пшено, кидались в пыль дороги подбирать награду. Мне, так ни разу не довелось ни копеечки собрать. Однажды, только Колька посадил меня на прясла, (сама-то я еще не могла залезть), кто-то закричал заветное: «Едут, едут...» Крики радости. И тут я оглянулась и увидела чудовище!.. Грузовая машина, которую я никогда не ви-

дела, шла прямо на меня!.. Больше я ничего не помню. Как потом рассказали сестры мои, целая орава летела к нашей избе. Колька-Сопля всех вперёд, заикаясь, орал: «Марусь-кааа убилаась!..» Когда я очнулась, пол деревни стояли надо мной. Сестрёнка Нюра с опаской и со слезами отряхивала меня от пыли. Когда все убедились, что я жива и здорова, стали расходиться – смотреть больше не на что было. А мой Ромео, вытерев соплю о рукав рубашонки, подошел, треснул меня по спине и сказал при всех: «Думал, померла... спужала до смерти... Дура такая!» И убежал, закрыв лицо грязной ладошкой.

1935г.

ПО ЯГОДУ (из детства)

Кто жил в деревне, тот знает все её прелести. Собираются девки по ягоды. Завтра рано, в «ЗАПИСАНО» лес такой, недалеко от деревни. На кого он (лес) был записан, никто не знал, просто так все называли. Ну девки гоношатся... корзинки, платочки, туяски, в общем тару под ягоду готовят ещё с вечера. Я, конечно, трусь между ними, в глаза их обманные заглядываю... не возьмут ведь меня, опять сбегут. Кому охота со мной в лесу возиться? Начинается трудный диалог... – Маруська, ты чё тут толкёшься? Это вредная Зоя... – Брысь спать, поди думашь мы тебя с собой возьмём? Как бы не так... – Ну девки... ну чё вам стоит? Я ведь уж большая... это я в прошлом лете маленькая была, а теперь вот... – Теперь вот... выросла она, глядите на неё как больша стала! Это всё не хочет меня брать с собой Зоя. Она же за старшую, ей отвечать, если что...

– Ты же Маруська босиком не пойдёшь, это тебе не по дороге колесо гонять... занозишь ногу, хныкать начнёшь, кака с тобой ягода? Нам мама наказывала и грибов приглядеть. Какой дурак будет в лесу время на тебя терять? Все аргументы выложены... не возьмут!!! Но тяга в лес у меня крепчает! Обращаюсь к Анне... – Нюра, да скажи ты ей, что отставать не буду, вприскочку побегу... а в лесу-то чё бегать... бери себе ягодку... бодро выкладываю свои мыслишки. –

Ой, ягодница нашлась... иди спи... Но не тут-то было... думаю, но не долго... – Дак девки, чё это я босиком-то пойду? Тятя же привёз нам ботиночки городские. – Ага, новенькие ботиночки она наденет... смозолишь ноги-то... неси тебя потом на руках... больно надо! – Дак у меня и чулочки есть... я знаю где всё лежит. В чулочках-то не смозолю... – Маруська, ну и вредная же ты. А куды ты ягоды-то собирать будешь? Тятя тебе ещё корзинку не сплёл. Зимой доделает, разукрасит, вот тогда и милости просим дорогая Марья Николавна в лес по ягоду! Говорил, что только к будущему лету готова будет. Хохочут... весело им... А у меня полные глаза слёз, вот-вот брызнут. Заикаюсь от такой несправедливости. – Аа... яаа... ккружкуу... возьму... – Кружку она возьмёт? Потеряшь ишо... Бог услышал меня! – Да ладно Зойка, давай уж возьмём её... Чё мучить ребёнка? Это моя любимая сестра Анна... – Я за ней и пригляжу... Дак чё ты с ней наберёшь? – Ну Зойка ты и жадина... так бы всё и захватила... мама же нам урока не давала, сколь наберём, столь и ладно. Лёд тронулся.

– Ладно собирайся! Прыткая больно! Выканючила, холера... язви тебя возьми. – Зойка, я тятю всё скажу... как ты на Маруську злобишься... он тебе задаст за неё! Бог сподобил, я не проспала встала рано по привычке. В мою-то пору в деревне все вставали ни свет ни заря, позавтракали... и кто куда, а мы в лес. Ни мама ни тятенька не спрашивали куда? По ягоду, так по ягоду... Вон соседские ребяташки ми-

мо окон проскочили. Земляника поспела! Нас трое, Зойка, Нюрка, Лёлька и я. Нет, нас четверо... про себя-то я и забыла! Но пришлось вспомнить... обута в ботиночки с чулочками, а шнурки-то не умею зашнуровывать... вот беда-то. Ботинки тятя покупал на пятерых дочек (одна-то замужем уж была) А размер-то один на всех. Мой умный тятенька не подумал про размеры, да и не знал их... в лапоточках бегали, а там какие размеры? Все ботинки гамузом брал, наверное, размера тридцать шестого-седьмого, на вырост а у меня ножонка и вовсе мала была и ботинки сваливались, Вот ведь незадача... Ягодники уже к околице подходили, а я всё маялась с обувкой... хоть плачь. Отчаяние охватило меня. Сдёрнула с ног городскую роскошь, сняла новые чулочки тоже купленные, свернула всё комком, сунула под мостик, что через канаву переброшен был... и босиком с кружкой в руке бегом всех догнала. В лесу сказка! Вот-вот баба-Яга или Леший выскочит... Может кому и тишина, а меня окружила музыка лесная... На верху по веткам чириканье, щебетание, свист, щёлканье, листьев шорох-разговор... они что не спали все эти птицы? Рано ведь ещё, нет поют веселятся, перелетают туда-сюда. Не соображала моя головёнка, что они все с утра голодные, корм ищут! Не только птички рано встали. Под ногами кого только нет... Тут тебе и жучара страшный с рожками и с крыльями, и мелкие с блеском козявочки, мураши куда-то друг за другом несутся. Кажется, даже воздух шуршит... ах как хорошо в лесу! Я прямо растворяюсь в этой

благодати. Правда про ягоды забыла напрочь! Замерев дыхание смотрю во все глаза, как такой лохматенький паучок плетёт свои кружева, как божья коровка ползёт по травинке и не падает... а мушек всяких полно... Много всего чудесного, не пересказать... А о чём я могу сказать так не умею ещё. Мала для такого дела, как писать. В памяти моей лес остался такой же сказочной страной. Но что интересно? Когда в лесу ты не один сказочность и волшебство пропадают... Наверное поэтому с какой бы оравой мы ни шли в лес, я всегда старалась отстать, отделиться от толпы, хотя тут же и терялась. Меня долго искали, ругали почём зря, пугали, что больше сроду не возьмут меня с собой! Но как-то так выходило, что кто-то милосердный снова вмешивался, в казалось бы несокрушимо «вето» моих друзей, и я снова ходила даже в дальний лес. На самом деле лес был не такой уж и дальний... так за гороховым полем. Ох вот ведь натура какая у меня? Начну что-нибудь рассказывать и так увлекусь, спешу про что бы ещё не забыть... и вот, на тебе... слушатели мои разбежались... Какие-то торопыги, не могут дослушать... опять жё меня дослушать нельзя, я люблю поговорить.

Так о чём я? Так ведь по ягоду пришли, а где она ягода?

Оглядываюсь... нет никакой ягоды. Опять сестрицы меня обманули... И тут слышу далёкий голос... вроде меня зовут. Сообразила... меня ищут... В какую сторону идти, не знаю. Стою, жду, кто меня найдёт. Мало того, что заблудилась, но и ягодки ни одной не нашла. Напросилась на свою голо-

ву... Попадёт теперь моей рыжей головушке. А чё делать? «Охота пуще неволи» – говорит мама. И правда. Про всё-то она знает... вот в одном доме, в одной деревне живём... мама знает, а я нет...

1936 г.

ЖИДЁНОК

Во времена оные далекие, военные, жили мы в славном городе Иркутске. В наши благословенные края высылали людей, всякого роду-племени. Было много эвакуированных из прифронтовых мест, из Ленинграда, из Латвии и Литвы и других мест. Были среди них и евреи. Но я не о всех, я об одном и о себе. Мальчик был еврей. Нам было лет по двенадцать или чуть больше. Имени я его не помню, такое мудреное имя. А вот его фигурка в какой-то девчачьей вязаной шапочке, в сереньком пальтишке на «рыбьем меху» с короткими рукавами и видно, что не с его ноги огромных подшитых валенках, вызывало в моем сердечке такую щемящую жалость, как к брошенному щенку. И еще. У него были прекрасные огромные глаза цвета темной спелой сливы. Честно говоря, это сравнение пришло ко мне только сейчас. А тогда, у нас в Сибири не только спелой сливы не было, мы о ней даже и не слыхали. Так вот, в этих необыкновенных глазах стояла такая вселенская печаль, что в них было больно смотреть. Но я, когда видела его в очереди за хлебом, не могла отвести от него глаз. А теперь про очередь, как у нас го-

ворили. Это было испытание голодом, это было выживание. Это вырабатывало в нас неслыханное терпение, если хотите, мужество. Толпа сотен людей стояли друг другу в затылок так плотно, что если кто-то выбирался из нее, по какой-то причине, обратно встать в очередь было под силу не каждому. Иногда это «стояние» длилось не одни сутки. Если хлеб не подвозили, стояли ночами. Вся жизнь сосредотачивалась на очередях. Счастлив был тот человек (в основном, подростки, кто еще не работал на заводе и старые люди), кто доходил до прилавка, где отрезали талоны и отвешивали твои граммы. Однажды, зимой, как обычно стояли мы в очередях. Моя очередь была уже близко от крыльца магазина, и была надежда на отоваривание. Мой знакомый мальчик стоял человек на десять-пятнадцать дальше. Он всегда стоял дальше, видимо ему позже занимал очередь кто-то из взрослых. Мне с ночи занимала мама, а в пять утра я уже как стойкий оловянный солдатик была на своем посту. И случилось так, что мальчика выдавили из очереди. Такое случалось постоянно. Он стоял возле своего места и чуть не плакал, такой беспомощный, жалкий, с красными от холода руками без рукавиц. Очередь плотно сомкнула свои ряды. Никому не было дела до «жидёнка», как называли его здесь. Что-то переклинило у меня не то в мозгу, не то в сердце. Я выскочила из своего места и как в бой, кинулась к мальчику. Подбежала, схватила его за руку и втиснула вместо себя. При этом я что-то громко орала и плакала. До сих пор не могу вспомнить, что кричала.

Когда он получил свой паек, подошел ко мне сказать спасибо. А я от радости растерялась, и не зная, что сказать в ответ, сняла с рук теплые рукавицы, сшитые мамой из старой телогрейки и протянула ему, сказав: – Бери-бери, у нас дома еще есть... Когда моя новая очередь дошла до крыльца, хлеб в магазине закончился. Дома, где меня ждали с хлебом, я не соображая почему, с радостью поведала обо всем. Глупая была. Ребенок. Все молчали. Только одна из сестер громко и зло сказала: «Ну ты и дура». Я не обиделась. В душа моей что-то пело...

1942 г зима

МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР

Компания собралась, человек сорок девушек, и столько же парней. Это только мы, иркутяне. Уезжали мы далеко и надолго. Уезжали по вербовке на обработку какой-то огромной рыбы. И такую большую и красивую рыбину держала на вытянутых руках румяная девушка на плакате. По этой причине мы должны были пройти весь медосмотр. Раз надо, так надо, без проблем. А что входит в этот ритуал, многие не знали. На нас в одежде-то без слёз нельзя было смотреть, а там в больнице раздеваться надо. Как-то страшновато. Лично я сроду нигде не была, кроме школьного медкабинета, где нам ставили прививки. Бегали мы по больницам и кабинетам все вперемешку, терпеливо сидели в очереди. Вызывали сразу по три человека. Три парня, потом, три девушки. Все шло нормально. Сразу-то такую ораву не пересмотришь, так однажды нас разделили. Женскую половину посадили к отдельному кабинету. Видимо, чтобы скорее дело шло. Читать, что там на дверях написано, мне лично было ни к чему. Всё равно слова все незнакомые. Все сидели и тихонько знакомились. Нам же вместе ехать. Со мной, с одной стороны, сидела маленькая чернявая хохотушка, с другой, крупная, с толстой косой красивая, круглолицая девушка. Она сидела прямо, молча. Сидим, спокойно общаемся, знакомимся. Маша, моя тёзка – иркутянка. Лилия, девушка

с косо́й тоже живет недавно здесь, но она ленинградка, родилась на Литейном проспекте. А мама у неё финка. И сама Лиля выглядела как-то, в отличие от нас, более культурной, что ли, не похожей на других. Пока суть да дело, подошла наша очередь. В кабинет вошли втроем. Кабинет большой. У стола женщина врач, в повязке, стоя к нам спиной отдаёт команды грубым, усталым голосом: – За ширму! Раздевайтесь. Медсестра, сидя в торце стола, приготовилась писать, показывает рукой, мол, поживее... Мы старательно стаскиваем с себя платяшки, рубашки, лифчики. Не глядя друг на друга, путаясь в собственных вещах, даже не заметили, как быстро вернулась Маша. – Следующий... Я выхожу из-за ширмы. Стою, жду. Посреди кабинета стоит какое-то блестящее сооружение. Не глядя на меня врач велит: – Ложитесь на кресло. Соображаю, влезла. Руками грудь прикрываю. Сажу, дрожу от страха, что же будет? – Замужем? – Нет. – Рожала? – Так я ж не замужем. – Половой контакт имела? Что-то поняла. Стыдно до слёз. – Нет.

Врач подходит к креслу. Сажу на краешке, руки на груди, в трусах. Женщина снимает маску и улыбается: – Ты что, в первый раз? Трусы-то снять надо. Я как тебя смотреть буду? Господи, сидя не могу трусы стянуть. Врач ждет.

За что такая мука? Хоть плачь... – Не бойся, я тихонько, ваточкой только мазочек возьму, – голос врачихи смягчился. Пока я задом наперед, с трусами в руках, корячусь с этого кресла, из-за ширмы выплыла, прикрывая груди, в голубых

трусах до колен, как и у меня, финка наша, Лиля. Спокойная, красивая, прямо Венера Милосская. Врач с сестрой откровенно хохочут. – Боже мой, еще одна... быстренько, трусы сняла и на кресло! – Не имеете права... – Это какого права я не имею? – Это насилие. – Да не собираюсь я тебя насилловать, посмотрю только. Лилька, наконец, снимает свои голубые до коленок трусы и пытается взобраться на это блестящее сооружение. Вопросы стандартные: – Замужем? – Какое Ваше дело? – Господи... рожала? – Вы видите во мне дурочку? – Ну, хотя бы с мужчиной спала? – Как Вам не стыдно... это оскорбление... Врач веселым голосом: – Поговори ещё... вот возьму зеркало...

Я за ширмой трясущимися руками натягиваю свою нижнюю одежду. Появляется Лиля, тоже с трусами в руках. Помогая друг другу застегнуть пуговицы на лифчиках. Одетые, направляемся к двери. Врач подходит к нам и тихо матерински говорит: – Девочки, куда вы едете, будьте осторожны. До сих пор помню тот усталый грубоватый голос.

1950 год.

Апрель

НЕ СМОТРЮ

Сейчас идет фильм «Штрафбат». Сама я его не смотрю, как и все фильмы о войне, о любой войне. Тогда мы жили в Иркутске, в бараке с полуподвалом.

В небольшой комнате ютилось восемь. Наш барак стоял при дороге по улице Рабочего-штаба. За городом в неё вливались два тракта: Александровский и Иркутский. Война шла к концу. Мы это твердо знали после Сталинградской победы. В эти годы на фронте был уже дефицит бойцов. Даже наши мальчишки-одноклассники уходили на фронт добровольцами. Поэтому открыли лагеря. У нас-то их было немалое количество, особенно сажали по 56 статье, политической. Много было и воров, и мошенников всякого рода, и убийц, и ещё, как говорили, «невинно осужденных». Из них и состояли штрафные батальоны. Их и гнали по нашей улице при охране по ночам на вокзал. Мы об этом знали и смотрели потихоньку. Их сразу из вагонов и на фронт, под пули и танки. Понятно, здоровые мужики сидят, хлеб едят, а дети голодуют. Ночь. Все спят. Один раз, проснулась я (на ведерко), слышу шепот: «Господи, помилуй, спаси и сохрани...»

Спрашиваю: – Мама, ты, что там шепчешь? – Дак, молюсь вот. – За кого, мама? – Дак, за этих... ну, жуликов-то. Ведь всех поубивают! Господи, помилуй, спаси и сохрани... А мама-то неверующая была

1944 г

ЦЫГАНКА

Жизнь была меня и мелкой дробью, и крупной картечью – залпами и одиночными выстрелами. Не могла убить. Она, конечно, не со зла, а так, для проверки жизненной прочности. А еще, и это самое главное, доказать мне и некоторым другим, что Бог есть. Случилось это давно, как и всё, что у меня случалось. Правда, и теперь кое-что случается, но уже не воспринимается так близко к сердцу. Хотя опять же, чего греха таить, воспринимается и довольно близко, прямо рядышком. В мирное, более трудное, чем военное время жила наша, уже полусемья все в том же, славном городе Иркутске. А в сорока верстах к западу начал строиться наш красавец город Ангарск. Строили в первую очередь, конечно, огромный комбинат. Заодно и город. Строили его, естественно, как гордо написано на стэлле при въезде в город, комсомольцы. Кто не знает, тот поверит. А мы-то? Ха, своим глазам свидетелей не надо. Моя родная сестра Ольга как раз и была комсомолкой, и имела срок заключения 20 лет. За что? Неважно. Но сказать надо. Назначили восемнадцатилетнюю девчонку директором маслозавода в поселок. Она была лаборанткой, опыта не имела, ну и наработала по заводу три кило масла в излишек. Суд был недолог. Как в войну трибунал. Неубитых, особенно девчонок еще много было. И строить много надо. Тогда не было у нас этих... ну,

как их... не могу вспомнить, узбеки там, таджики, китайцы. Ладно, не о них речь, а обо мне. Это я ехала на пригородной «коробке с гайками», такие были у нас два поезда между Иркутском и Зимой. Зима, это станция. И ехала я на вечернем с тем, чтобы переночевать на станции Китой. Не Китай. И было мне лет 16—17. Ехала я в лагерь №4 на свиданку с сестрой Олей, везла передачку. Теперь стыдно даже писать об этих продуктах, а тогда это было сокровище: два малосольных огурца, 300 грамм хлеба и пачка махорки. Все это мама завязала в полотняном мешочке на крепкий узел. Да я бы и так не тронула. И случилось, что я не доехала до ст. Китой 4 км – испугалась двух мужиков, которые сидели напротив меня и так нехорошо и как-то хищно улыбались, взглядывали на меня и ржали. Я так и подумала, что они хотят отобрать передачку сестринскую, ради которой я еду в ночь за сорок километров. Тут станции никакой не было, просто минутная остановка. Я же не видела, где поезд остановился. Подумала, что доехала, выскочила из вагона, упала. Сильно низко земля оказалась. За то обрадовалась, что мужики дальше уехали. Темноты и леса я не боялась. Когда выбралась на полотно, к рельсам, спокойно, прижав к себе мешочек, пошла вдоль рельсов к станции.

В темноте я вдруг услышала тяжелые шаги. Это два мужика быстро шли за мной. Оглянувшись, я увидела их силуэты. Страх охватил хуже, чем в поезде. И я побежала, не зная точно, сколько надо бежать – не каждый день тут бывала.

Но ничего другого не оставалось, и я летела со всех своих легких ножек. Но в какой-то момент, не знаю почему, я поняла, что они меня догонят, и отберут мешок с едой. С чем я приду к сестре? В такие моменты, по-видимому, сознание у человека отключается, и он не соображает, что делает. Так и у меня. Что-то переклинило в мозгу, что ли. В этот момент меня посетил Бог. Больше было некому. Я присела, не глядя назад, и резко перекатилась на откос, а с него в кювет. Как пробежали мимо мужики, тяжело дыша, я услышала, теряя сознание. Ночь шла себе своим чередом, темно... тихо... Где я? Потихоньку выбралась из кювета, отряхнулась и почему-то спокойно дошла до станционного домика. И как я не смогла до него добежать? Даже засмеялась своим мыслям: трусиха, чего было в кювет падать, платьишко вон, зацепила. Теперь дырка будет. Стыдно в дырявом платье ходить... Домик рядом, огонь и внутри, и над крыльцом. Слава Богу. Захожу, картина знакомая. Проходили. Два-три человека лежат на скамейках, куча цыган в углу. Двое взрослых, штук пять детей, старая цыганка с краю, от двери. Небольшой табор. Все мирно спят. Ладно, красть у меня нечего... Не успела я додумать эту простую мысль, как за дверью послышались те самые шаги и раздраженный голос: «И куда эта сука пропала, мать твою?»

Каким-то молниеносным движением, спала ведь, старая цыганка схватила меня за руку и резко дернула на себя. Я упала ей в ноги, головой в низ живота, и она быстро закинула

на меня подол своей широченной юбки. Я лежала в темноте, но страха не было. От живота цыганки пахло мамой и пылью. Только слышала: «Ай, дарагой, нет, не забегал никто. Я чутко сплю. Может, погадаю, а?» Утром я была у проходной лагеря. Женщин гнали на лесоповал, на работу. А вечером, после всего, нам с Олей дали свидание на два часа. В маминой передаче нехватало половинки малосолевого огурца, и грамм 50—60 хлебушка. Не удержалась. День-то длинный был. Про мужиков не стала говорить. Сестре и так нелегко. Цыганка-то мне сказала: «Ох, глупая, не нужен был твой „сидорок“ мужикам. Ты им нужна была. Бога благодари».

1947 г

ВОРОВКА

Писатель из меня, конечно, никакой, честно говоря... но, что-то вот зудит настойчиво внутри и руки чешутся. Тем более клавиатура под рукой, с буквами... Ну, как не воспользоваться? И внутри голос: «Ладно, не ломайся... Хочется ведь писать!» Это, как доза для наркомана. Тем более, я не фантаст, придумывать ничего не надо. Легче пареной репы! Да и не роман пишу с душещипательной историей! А, в принципе-то, история хоть, и не большенькая, но очень даже душещипательная! Ну, это уж как кому покажется. Её можно смело начинать читать, не заглядывая с нетерпением, в конец, написанного!!! Есть, есть такой грех, у некоторых торопыг, да ещё у тех, кто думает, что он лучше всех пишет! Слу-

чилось это не так давно, но и не вчера, а во время Великой Отечественной войны! Да и после войны мало что изменилось!.. Пока наши отцы добывали изо всех сил победу, мы, ихние детки, тоже, сложа руки, не сидели, а добывали кто, что мог! Как сейчас выражаются сильно грамотные, люди... был «позитив» в нашей жизни... Да ещё какой!!!

К примеру, когда Надюхе было лет десять-двенадцать, мамка ейная, что работала на хайтинском фарфоровом заводе, украла из своего цеха, с десятков ламповых стёкол. Да и не впервой!.. Жить как-то надо. Сама-то, ладно – детей трое! Вот тебе и позитив. Надежда на приобретение чего-нибудь съестного. Слова «дефицит» не знали, а знали, что ничего нет! А ламповое стекло тоже навалом не лежало. Можно продать «дефицит» и купить кусок хлеба! Чем не позитив? Цельную булку не дадут, это и козе понятно. Кто же сразу, десять стёкол возьмёт? Вот, и приходилось, по одному, да с опаской... Ведь, и спросить запросто могут где, мол, гражданочка, стёкла взяли? Гражданочка, то есть Надюха, от рождения Надежда Иннокентьевна, из Хайты приехала на иркутский базар, торговать краденными стёклами. Страшно? Конечно, ещё как страшно! Хоть и не сама, а мамка приносила стёкла в тихушку. Но, голод сильнее страха, это факт. Вытащила Надюха одно стекло из наволочки... чё-то никто не торопится покупать, видно, потому что скоро лето, дни длиннее. Не такая нужда в освещении. Брали-то стёкла к лампам, всё больше деревенские, и с осени. Стоит, девчон-

ка, торгует... Маленькая росточком, а худющая... прям, как досточка. Глазёнки чёрные, живые, так и зыркают на деревенский товар... Подходят к ней два молодца, справно одетые: – Ну, чё, сестрёнка, плохо товар идёт? Отвечает бойко. Вроде бы и не боится, а у самой поджилки трясутся... А один смеётся:

– Давай... мы все сразу купим... только за деньгами, вместе съездим! – А, хлеб у вас есть? Мне бы хлебом... – Да не дрейфь... хлеба у нас полно, не обидим... Как исстари говорится: «жадность фраера губит». А что с такого «фраера» взять? – голодная, глупая девчонка!!! Даже в голову ничего плохого не пришло. Ну, и не пошли, а не хухры-мухры – поехали...! Сроду Надюха не садилась в машину, хотя такую видела. Чай, не в деревне жила, а в посёлке. Конечно, не надо бы девочке с двумя этими мужиками садиться, надо бы о себе подумать!.. Дак уж больно искус был велик! О хлебе ведь все мысли, и желания! Кто это о себе-то мог думать? Как-то даже стыдно, о себе... Ведь дома трое!

Мамка, Петька, и Кешка маленький. Он родился после того, как папку на войну взяли, сразу через месяц. Папка чё-то радовался, как дурачок! Хотя на родителя грех было так думать, но Надюха думала. Оно, может, и радость, да только не ей. Ей и Петьки хватало. Вечно он попадал, куда не попадая, орал. А Надюхе – взбучка! Дак с Петькой можно хоть на улицу сгонять, поиграть с подружками, с этим Кешенькой куда? – Ууу... черти бы тебя взяли! Но, что есть, то есть!

Не объедешь, не обойдёшь... Жизнь! В таких-то, горестных раздумьях о братьях своих меньших, Надюшка и оказалась в чужом доме. Где-то на окраине Иркутска. В таких гостях не доводилось ей бывать! А если по правде, так вообще ни в каких гостях она и не бывала. Чё-то не приглашали, видно, личиком не вышла!

После сытного угощения, сидела на лавке у тёплой печки, ждала расчёту. Слышала голоса мужиков и женский, тоненький... О чём шла речь? Не её дело, только вот уж темнеть стало, а ей же на «передачу». Так электричка раньше звалась. Чё-то, вроде не ладно... Пискнула, дескать, домой ей пора... Но, опять же, пока ничё худого. Женщина молодая, красивая булку хлеба вынесла, в наволочку завернула. Надюха рада, готова ещё ждать! Наконец, вышли, сели в машину. Куда-то ехали, не очень долго? Вышли все. Где, не понятно? Девочке объяснили, куда надо пролезть и что сделать. Не дурочка, всё поняла, протиснулась, не то в щель, не то в дыру, там пробралась, открыла чё надо и тем же ходом обратно... И всё? Делов-то! Один мужик за рулём... сидят, молчат. Главное, булка хлеба рядом! Вскоре и те появились, парочка. Не пустые. Надюхе дела нет. Мало ли у кого, какие дела... Быстро на вокзал!.. А передача давно ушла. Теперь до утра ждать. Сунув в руки девчонки наволочку с содержимым, эти добрые люди быстро удалились в неизвестном направлении! Сама Надюха так рассказывала: – Сижу на лавке, на вокзале, людей не много. Можно прилечь, подремать, да

свербит в одном месте – хочется посмотреть, чё там? Ведь денег обещали. Да и ладно, и Бог с ними, с деньгами... и без денег хорошо! Хлеба, вон целая булка! Но в наволочку что-то ещё положили, тяжелее стало. Правда, не велели никому показывать! А как утерпеть? Все спят кругом, кто увидит? Да и хлебца бы укусить... с краешку... Открываю наволочку... а там... Батюшки, пачки!.. Деньги!!! Я обомлела... потом обрадовалась... сдуру, давай считать, разложила на коленях! Мозгов-то нет... Вот и пришло время спросить: – Уважаемая гражданочка Надюха, ... и где это вы столько денежек взяли?.. Спросили!.. Десять лет дали сроку! За воровство! Пришлось рассказывать всё. И откуда хлеб, и откуда деньги. Пять лет – на «малолетке», и пять лет на Магадане!!! За крупное хищение государственных средств из гос. банка, города Иркутска. Так с кличкой «воровка» и жила десять лет. Сколь там этих, проклятых денег было до сих пор, не знаю! Сидим у дома на лавочке, две беременные женщины соседки. Рассказываем друг дружке про свою жизнь. Врать и придумывать, резону нет. Да и хуже не придумаешь! Все десять лет «от звонка, до звонка», как у нас говорят. А как? Это уж долго рассказывать. Кто сидел, тот знает! А кто там не был, так и не доведи, Господь, тому бывать. Чтобы долго не рассусоливать да людей добрых не пугать лагерной жизнью, лучше про любовь Надюхину расскажу, с её слов. Много лет дружили мы с ней. Не гостевали друг у дружки, а приходили, как сестра к сестре. Секретов не было вовсе. Какие,

к лешему, секреты! Девчонок своих, Радку мою да Жанку её, и то в один день родили. Пока я, как медведь по весне, орала в роддоме трое суток, Надюха нарисовалась. Приспичило...! Недели две Жанку не доносила... смех... меня догонять пошла... Бабы в доме меня судили-рядили за глаза (попробовали бы иначе), а Надюха всё знала и понимала, хотя её не трогали. Она замужем была, а я второго ребёнка без мужа!.. Но, речь не обо мне. О любви!!!

Любовь, такая штука... она не спрашивает, вор ты или честный, где живёшь, сколько лет, есть деньги или нет, красивый человек или не очень... этой безбашенной любви всё до «лампочки» Но, где бы она не случилась, всегда красивая – хоть с цветами, хоть и без цветов!!! Приходит ни откуда, как ураган, берёт в свой сладкогорький плен, и всё!!! В Магадане на лесоповале и пришла к Надюхе любовь нежданная (а у кого она жданная?) в виде такого же заключённого. Деляны рядом, вот и встретились два одиночества. Его звали Виктор Мороз, а её просто Надюха. И встреча было, раз-два и обчёлся... Условия не те, чтобы объятия не разнимать... Да много ли для страсти надо? Забеременела от любимого Мороза. Радости конца не было. Ей два года осталось, ему пять. Доживём, встретимся на воле. Мечты...! Родилась дочка. Викторией назвала – в честь любимого! Надюха няней стала работать в лагерном приюте. Иногда со своим Морозом парой слов перекинутся, улыбкой, и то сердца горят при Магаданских морозах. Как бы ни

было, вышел Надюхин срок. Взяла она дочку на руки и вышла на свободу! Господи, благодарю тебя, что дал силы, преодолеть всё, что люди присудили! Не воровка больше, хотя и не крала сроду ничего. Свобода! Ещё и Виктор договорился с дежурным, чтобы проводить, хоть и не расписанную, жёну с дочкой. И когда он заходил в домик, где ждали машину освобождённые, раздался выстрел!.. В спину! Упал её драгоценный Мороз лицом вниз, как будто поклонился до земли, прося прощения у своих любимых, не расписанной жены и крошки дочки, которой даже личика не видел. Из зависти, к чужому счастью убили, как бы при попытке к бегству!!! Беспредел был. А дома, в родной Хайте, не приняли «зычку» с выблядком. Кто это с воровкой знаться будет. Воровали все, кто, где что мог. А не пойманный-то, не вор!.. Отец погиб на фронте. Мать показала на дверь. Без них тошно!!! А вот радовалась, жить торопилась, как ни коверкала её эта самая жизнь. Хохотушка Надюха в сорок лет замуж вышла, успела двух девчонок родить, Викторию замуж выдать и умереть от рака. Пожила бы ещё, чё уж в пятьдесят пять то умирать? Мне не довелось похоронить подругу – я сама лежала в онкологии.

1981 г

СВИДАНИЕ С МУРИНО

Есть такое село Мурино на самом краешке самого прекрасного озера в мире Байкала. Стоит себе 150 лет и в ус не дует. А чего ему дуть, если расположилось между морем и небом. Живёт себе 150 лет и ещё, дай Бог, три раза по стольку. Любые встречи-свиданья вызывают воспоминания. Два дня назад я встретила с Мурино. Без году семьдесят лет назад я провела в этой деревеньке полтора месяца своего послевоенного голодного детства. Этот полустаночек с красивым вокзальчиком из тёмного дерева, эта широкая дорога, ведущая прямо в добрые, сильные руки великого Байкала, как откровение, что Бог есть, и Он милостив. Я бегала босиком по этой непривычно широкой дороге прямо в объятии озера-моря и долго сидела у самой воды, слушая её нежный, тихий плеск-разговор. Она пела мне о будущем... А где ещё мечтать о несбыточном, как не у живой воды? Перебирала разноцветье камешков, улетаая детской мечтой в неведомые края. А пока я сама жила в неведомом краю. Было это из области «фэнтэзи», как сейчас говорят. Но лирика лирикой, а привезли меня сюда на откорм. Уж больно мала и худа была девчонка после многих мытарств. Сразу после войны моя сестра с мужем не были демобилизованы, а были отправлены вот сюда в Мурино. Муж сестры, Соловьёв Николай Дмитриевич, офицер сапёр по воен-

ной профессии со своим отрядом сапёров, то ли строили, то ли ладили эту железную дорогу. А это тебе не комар чихнул, это «Москва – Владивосток», участок Кругобайкальской железной дороги, самый трудный и сложный Великой Транс-Сибирской магистрали. Во куда меня занесло опять. Как помню, в те поры по этой «железке» летели навстречу друг другу с запада на восток эшелоны со всяким грузом, ехали солдаты в теплушках с японской, составы с вооружением. Страшно было смотреть, как летели эшелоны, тревожно гудели при встрече, распуская за собой чёрные шлейфы дыма. Не было тогда электровозов. Как умудрялись машинисты водить день и ночь свои паровозы, беспрестанно кидая уголь в ненасытные горла топок. Но и была в этих, летящих всегда вперёд, железных монстрах какая-то притягательная сила. Я любила подолгу стоять и заморожено смотреть на летящие составы, и тоже хотела куданибудь улететь далеко-далеко, на край земли, и посмотреть, что там, за краем. Хозяйка домика, куда определили сестру с мужем, была немногословной и на вид суровой. Она меня не обижала, но работой нагружала. И когда я убегала к вокзалу и, стоя под откосом, неотрывно глядела на этих летящих железных птиц, она подходила сзади и окликала меня...

– Мара, подь-ко сюда, – звала меня домой добрая хозяйш-ка и всегда старалась впихнуть мне какую-нибудь еду. – Ну и чё ты там милая не видывала? И не надоест тебе? Чё-то ты девонька от людей отчуждаешься? Чё-то всё одной тебе охота

быть? Можя, обидел кто? Я молчала, не зная что ответить, и принималась за работу, какую она мне укажет. Даром хлебо сами знаете, где есть, в мышеловке... Я не была ленивой, но и рвать жилы, например, мыть чего-нибудь не любила. До сих пор терпеть не могу мыть полы, стоять в этой уни- зительной позе: вверх попой, вниз головой. Но я не о своих трудовых подвигах, я о Муринской сказке собралась писать. Вот всегда у меня так, всё сыздаля получается. Нет, чтобы конкретно, так мол и так... нет, разведу хляби, как деревен- ская дорога в распутье. Ну, чё теперь сделаешь? Как умею. Сидит у меня в памяти это Мурино. А как я омулем досыта наедалась, как к соседке через дорогу ходила покупать у неё огромную ягоду викторию, такую крупную, что иную ягодку откусывать приходилось, так велика была. А омуль – благо- родная рыба. Моя сестра с хозяйкиным сыном Аликом часто в море выходили глушить толлом целые косяки этой краси- вой серебристой рыбы. Лично для меня – это самая вкусная рыба на свете. Выпросилась я однажды у сестры взять меня с собой. Мне скоро четырнадцать лет, столько воды кругом, а я только и ловила малявок в банку на Лене, когда скита- лась брошенным щенком. Господи, сколько здесь еды! Тайга рядом. А там всего полно!.. Выпрошусь бывало у баб взять меня с собой по ягоду, обомлею от изобилия и таёжной кра- соты.

Бабы стайкой бегут в лес вперёд, а я не умею по лесу бе- гать, как лосиха. Мне много не надо. Я теперь сытая, мне ин-

тересно всё видеть. И я во все свои голубые глазки пялилась на эту таинственную и красивую жизнь леса. А ягоду в те времена брали просто руками да осторожно, чтобы веточку ненароком не обломить, или выдернуть из земли. А про ягодники и говорить нече. Черника, голубица, позже клюква, но главная ценность, брусника. Стоит склониться к земле, и увидишь крупную, красную блестящую и спелую до черноты волшебную бруснику. Сразу вспомнилось, как я Стасика от лишаяёв лечила. Разотрёшь свежую ягодку на лишай, глядишь, дня через два-три кожа у ребёнка чистенькая. Никаких тебе лекарств. Здесь в тайге и в Байкале было столько еды, что мне даже стыдно стало есть это богатство одной. Ведь у меня в Иркутске подружка Васёнка осталась, и при том тоже не сытая, а я тут... это как-то неправильно. Зайцем сгоняла за подружкой. Спали с ней на одной лавке. Сейчас мне одной тесно сидеть, а тогда мы, две тростиночки умещались и ничё с нами не сделалось. Вот уж и поели мы той ягоды досыта. Другой-то еды всё равно не было. Решили мы с подругой торговлей заняться. А чё? Ягода, как сейчас говорят, на халяву. Угольная платформа, пожалуйста, зайчиками в Слюдянку «бизнес» делать. Набрали по ведру прекрасной брусники, прикатили бизнесменки липовые, стоим на этом бело-розово-мраморном вокзале, торгуем. Гранёный стакан с «походом», три копейки.

А кому тут брусника нужна? Люди сами бегают на сопки. Ведро-то в полчаса нахватывают. Да к тому же мы с Васёнкой

чёрные, как негры. Когда едешь на угольной пустой платформе, пыль угольная да дым из паровозной трубы своё дело делали. К таким торгашкам никто и подходить не желал. Корооче, лопнул наш «бизнес» как мыльный пузырь. Даже Васёнке на обратную дорогу не наторговали. Так зайцем на третьей полке за чужим багажом и уехала моя подруга ни с чем. Хорошо, что неделю от пуза ела рыбу и ягоду. Вот здешним-то хорошо. Мне бы здесь жить! Не довелось... Но эта, неведомая большому миру деревенька, которая как родная мать приняла и накормила чем могла, измученную войной и голодом девочку. Низкий поклон тебе Мурино!!!

Март 2015 год

ВОТ ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

И вот так, всю жизнь... то дура, то овца!.. С одной стороны будто бы и правильно, ведь люди-то не глупее меня. Выходит, что я сама себя шибко умной считаю.

А на самом деле это не так. Когда мне говорят умные слова, я ещё ерепенюсь, чего-то доказываю – иногда до нехороших слов дело доходит. Ведь доказывать свою правоту каждый старается, прав он или нет. А что, кому охота побеждённым быть? Вот тебе и ссора, вот тебе и скандал! Ну, а я что, хуже всех выходит? Правда, сначала ору, будто об угол ударилась. Позже, когда одна остаюсь, часто побеждённая, думаю, что всё-таки я права!.. Взять вот случай один. Бегу с работы, сумочка тяжёленькая – есть, чем детей сегодня накормить. Настроение весёлое, жизнерадостное. А что? Май месяц, не октябрь. Большое дело! На зиму одной одежды сколько надо! А чего про зиму думать, если весна на дворе. Тем не менее, хочу заметить, что май месяц у нас ещё в шапках и куртках ходят. Холодина же. Бегу. В подъезде, на втором этаже, прижавшись к тёплой батарее, стоит мужик. Стоит, ну и стой он, никому не мешает.

Я ужин приготовила (фарш-то готовый) быстро с пельменями управилась, побежала за хлебом, мусор заодно выкинуть. Мужик стоит. Бегу обратно. Он всё стоит. Ну и пробежать бы мимо, кто меня за язык дёргал? Нет, остановилась. –

Ты чё это, мужик, в нашем подъезде устроился? Объяснил человек, извинился. Ну и иди к себе на свой этаж... нет, прицепилась, давай «автобиографию» пытаться. – Да из Черемхово я. Приехал к сестре, а их дома нет. Вот, в соседнем доме. – А чё в наш пришёл? – Так там двери сломанные, холодно ночью-то будет, а из двух выгнали. Ходил в гостиницу, мест нет. Да Вы не волнуйтесь, я уйду. – Ладно. К себе пошла. Какое мне дело тут... до всяких. Вскоре дети собрались, поужинали, поохотали над маленькой – сидит, тарелку с едой обняла, сытёхонька, сама спит, чуть носишко в кашу не макнула. Сашку со Светкой всё мир не берёт. Она сразу после смерти матери подошла ко мне, прижалась. – Тётя Мара, можно я Вас мамой звать буду? И что я должна была ей ответить? Вот этот бычок и заревновал. Мало я его буцкала. Спать дети вовремя отправились, как заведено мною. Они никогда мне не перечили, знали, что ничего хорошего от вяканий и нытья не будет. Мне-то и телевизор не посмотреть, сломался. Надо в ателье везти или звать мастера, а чем платить? Ладно, всё равно устала. Легла спать. Хоть бы в одном глазу... что за чёрт? И вдруг, в голову: мужик! Что, где он? А мне какое дело до него – сам взрослый!

Нет, не спится. Встала, на часы глянула: час ночи. Опять легла. Вспомнила, как холодно и одиноко не дома, да ещё и ночью. Ну и что, что мужик? Тоже человек. Встала, поверх длинной ночнушки кофтёнку накинула, выхожу в подъезд. Тишина. Спустилась на второй этаж, нет мужика. Куда

он делся? Может, выше ушёл? Тихонько зову: – Мужик, ты здесь? – нет, тихо. Выхожу на улицу. Теперь меня не оставить, пусть в тапках и ночной рубашке. Мне всё равно. Я должна его найти. Наш дом не маленький, десять подъездов. Я живу в середине. Куда идти? Заходила в каждый подъезд и тихонько окликала: – Мужик, ты здесь? Я нашла его, привела домой. Сварила с десятков пельменей. Он съел их с бульоном. Носом швыркает – замёрз. Спать будет на кухне. А наши хрущёвские кухни... корове хвоста протянуть негде. Собрала, что постелить, свет выключила, пришла к Радочке на кроватку, свернулась калачиком... и уснула, как пропащая. Только утром сообразила, что я сделала что-то не то!.. Выхожу на цыпочках на кухню. То я сделала, очень даже то. Спит мой мужичок, раскинулся. Носки снял, аккуратно на табуретке висят. Своей курткой укрылся. Спит спокойно. Слава Богу! Тихо разбудила, чаю вдвоём напились. Взял свой чемоданчик, и мы распрощались. Дети даже не проснулись и не знали, что у нас постоялец ночевал. Радостная, довольная на работе со смехом рассказала своим бабам своё происшествие, и в ответ получила: – Ну, ты и овца. А если у него в чемоданчике голова отрубленная лежала.? И так далее...

Дня через три в дверь постучали. Он принёс детям торт и наладил телевизор. В чемоданчике инструмент был. А имени я его не помню, но это не важно. Я, правда, овца?

СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ...

Люди бросаются в авантюрные путешествия по разным причинам, часто даже сами не понимая, куда и зачем едут или идут. Плывут на кораблях мечты, летят на «боингах», пешком и на вездеходах... Да по-разному люди, состоятельные и не очень, гоняют дурака по белому свету. А мы чё, рыжие? Мы тоже не лыком шиты, хотя и в Сибири родились. Также кое-где побывали. Нечё от нас нос воротить! Не варнаки какие-нибудь. Хотя, если поближе посмотреть, есть что-то в нас разбойничье. Лично я еду не абы как. Не последняя я дура за красотами по миру мотаться. Согласилась поехать с дочкой в трудовой лагерь, и токмо ради зарабатывания больших денег (тыща рублей за лето) и царских условий для проживания. Про царские условия наплёл мне мой начальник, прекрасный человек, ставший моим другом – красавец, отличный коммерсант, армянин из Сибири Джумаль. Правда, он вскоре поплатился за свою коммерцию и отсидел срок, но другом моим остался.

Таких деловых, при этом весёлых и добрых людей, я не видела. Жаль, в женихи мне не годился. Слишком молод. Он-то и уговорил меня разными льстивыми словами поехать с его «ордой» малолетних идиотов в пределы Астраханские загорать. Врал, конечно, как сивый мерин. Тыщу рублей пообещал за два месяца. Конечно, за такие немислимые по сво-

ей величине деньги, я бы ринулась хоть на край света. Тем более, что мне не привыкать к таким вояжам, но только ради заработка. Дети мои растут, их одевать надо, а на какие шиши? Тут чё-то не приходилось особо выбирать... согласилась. Перспектива более чем заманчивая, поскольку ехать за деньгами (ради Бога, не подумайте, что за туманом), дело стоящее во всех смыслах. А кто меня осудит? Пусть попробует сам такую халяву! Догадываетесь, что деньги мне нужны были не на недостроенную виллу, или скажем, на поездку за дальние рубежи нашей Родины. Тем не менее мерзкие меркантильные мысли рисовали в моём воображении красивые, но недорогие сапожки дочке к школе. Всё-таки в восьмой класс идёт и притом со мной опять поехала, может, чё и сама заработает. Дальше сапожек, туфельек для Светки и куртки для Сашки мои корыстные цели не распространялись. Ехали мы с толпой пэтэушников, с которыми был заключён договор на пять лет с местным колхозом на уборку овощей и фруктов.

Пока победители арбузных полей и фруктовых садов были в дороге, вырвавшись на просторы Европы балдели вовсю. Ехали в общих, старых вагонах целых семь суток. Это только до Волгограда, а нам надо ближе к Астрахани, проехав ещё часть калмыцких степей. Но, не о степях речь. Это я уже проходила при поездке на Камчатку. Один, в один! Калмыцкие степи, «семечки», супротив Тихого океана. Ехали долго и весело. За всю неделю не случилось ни одного мордобоя,

хотя поводов к этому было хоть отбавляй. Ученики училищ и ПТУ были в основном из посёлков и деревень. Недоучившиеся в школе, нигде не бывавшие прежде, почуяв в ноздрях ветер свободы, вели себя безобразно, всё время сбегая или ненароком отставая от поезда. Их ловили, ждали, возвращая на место. К тому же при таком движении, что называется ни шатко, ни валко, от безделья они, растущие организмы, всё время хотели есть. При всей любви ко всему съестному, при остановке нашего ковчега где-нибудь ночью среди поля, семнадцатилетние Ромео не прочь были прогуляться с ровесницами, или натаскать им охапки травы вместо букетов. Но у нашего Джумалья было зоркое око, и за всё лето ни одной беременности не случилось. Дети его уважали и слушались, как они сами выражались, «без балды». Деткам выдавали кое-какой паёк и каждый день водили на небольших станциях в столовку поест горячего. Зато они радовались, предвкушая нажраться от пуза фруктов, каких они и в глаза не видывали. Честно говоря, я тоже никогда вживую не видела, как эти самые фрукты растут. И все мы от своих мечтаний были счастливы. Всё оказалось так, но с поправкой на то, что одна молодёжь ехала и летела побеждать и развлекаться, а другая пахать на полях под палящим солнцем собирая овощи и фрукты. Шёл год восьмидесятый. Со всех концов земли ехали не такие счастливые, как мы люди в столицу нашей Родины, на Московскую Олимпиаду-80. А мы, естественно, ехали загорать на просторах юга, собирая помидоры, арбузы

и прочие фрукты для кормёжки этой самой Олимпиады... Мы тоже были причастны к её победам и поражениям. Были её участниками. Чудо, что за жизнь была. Подробности нужны?

СТРАНА, КОТОРОЙ НЕТ

ЧАСТЬ 1

– А что, разве такая страна есть? – Вы спросите обязательно! А мы вам ответим: – Естественно! Конечно, есть, мы ведь в ней прожили целых два месяца с хвостиком. Вы сразу же заинтересуетесь: – Где, как, когда и почему так далеко? А вот тут мы можем ответить вам только на один вопрос: что там делали? А делали мы... Нам не трудно на любой вопрос ответить, только мы считаем это пустой тратой времени. Время, как говорят умные люди, это деньги, хотя мы в такую версию добывания денег не верим. А вот что мы там делали конкретно для добывания денег, об этом без всякого лукавства можно и рассказать.

Конечно, если о трудовых подвигах на полях Астраханской области, то тут я пас. На полях я была один раз, но до сих пор стоит в глазах картина уничтожения прекрасных спелых помидор не пригодных к транспортировке. Собирали только молочной спелости, остальное под трактор. Смотреть было больно на помидорную кровь, смешанную с землей. Как на траках танков во время войны. Сколько же добра гнило и запахивалось на этих полях? И не было видно трудящихся. Вот почему везли сюда детей из Сибири собирать для здешних жителей ихний же урожай. Сколько гнило тонн яблок, и ни один человек не пришёл и не собрал хотя бы ведро. По приезде на место, как только мы свали-

лись со степного обрыва в займище, где стояли бараки, а это «стойбище» располагалось вольно в заброшенном яблоневом колхозном саду, и наши охламоны впервые увидели живём яблоки, правда, ещё зелёные... Изобилие халявных яблок и полная свобода опьянили сибирских ребяташек. Дикая африканские вопли, треск ломающихся веток заполнили тихий умирающий сад, полный чудесных яблок многих сортов. Тысяча деревьев остались брошенными, а рядом заложен был новый сад. Зачем? Но эти вопросы решать не мне. У меня своих забот полон рот. Свои заботы оказались весьма обширными. Я, как повар свою работу знаю. Стаж почти тридцать лет. Дочку с собой взяла. А куда её, если сама на всё лето уезжаю. Обрадовалась поначалу, дескать на югах побываем, фруктов ребёнок поест, позагорает. Короче, мечта идиотки исполняется во всей красе! Но, как всегда, судьба не без подарков. А как же?! Пришлось не только кормить, но и лечить. Нет, доктор у нас был. Девчонка из мед. училища. Со второго года обучения. Она никак не могла отличить аспирин от стрептоцида и падала в обморок при виде крови от царапины. На третий день пребывания на ниве сбора урожая, Главный пришёл ко мне с разговором. Поговорить было о чём! – Ты, это... Николаевна, помоги Людмиле. К ней уже трое с поносом обращались... Дело пахло керосином... Я всё поняла. Большие деньги надо будет отрабатывать большой работой. – Дак как же я... когда и где буду этих засранцев принимать? Ты головой то соображай! – взъярилась я. –

Не на кухне же? – Зачем на кухне? Не надо на кухне. Пойди к Людмиле в мед. пункт, там им всё скажи... – Чё я им сказать должна? О, Господи, Джумаль, я же не врач, я – повар!!! Ты по какой специальности меня нанимал? Ты мне сколько зарплат обещал? Все вопросы утонули в жалобном возгласе сильного мужика: – Николаевна... выручай... пажалуйста... буду по гроб жизни... Будет он, гад, по гроб жизни... по мой гроб! Врача надо было везти и зарплату хорошую платить. Слабо сердце женщины. А сердце матери и вовсе кровью обливается за ребёнка. А эти оболтусы, полусироты, в сущности, ещё дети, стояли кучкой за дверями штаба и мучились недержанием. Пять мальчишек, и две девочки. Ведь сколько ни предупреждали, не увещевали не есть грязными руками, не есть на поле, там всё обработано ядохимикатами, не есть зелёные яблоки и другие фрукты. Всё было благополучно тут же забыто. Или вообще не услышано.

ЧАСТЬ 2

А дальше надо бы, как говорят умные люди, хотя бы в общих чертах изобразить наше место временной дислокации в этом, Богом данном месте. Итак, три длинных барака, склад и пара куриных избушек, составляли наш жилой ансамбль. В виде Пентагона. Внутри квадрат для собраний и вечерних танцев с комарами. Кстати, таких монстров я нигде и никогда не видела. Как только уставшее солнце падало без сил в Волгу охладиться, только дети собирались на танцы под старенький магнитофон, тучи огромных кровососов накидывались на всё живое. Глянули бы вы на это сборище со стороны!.. Велика жажда юного возраста пообщаться с себе подобными в неформальной обстановке, ведь в степи на уборке вместе. Из одежды одни выгоревшие плавочки, да у девчонок кое-какие повязочки на не совсем ещё окрепших грудках, спят с открытыми окнами и дверьми. Почти никакого различия, а на танцах все преображаются, движимые какой-то невидимой силой притяжения и в то же время стеснения (тогда ещё стеснялись). Худо-бедно девочки как-то ещё готовились на выход в свет: расчёсывали волосы, мыли лицо и шею, одевали, что есть из платьишек поверх брюк. Без брюк никак, комары не дают и вздохнуть... Пацаны особо не заморачивались. У них на все случаи жизни были выданы комбинезоны защитного цвета для работы и такого же

цвета курточки со штанами. Нет, не брючки это были. Вздох-матив пятернёй свой нечёсанный овин, не глядя в зеркало (какое зеркало? вам самим не смешно?), замотав чем попало голову от комаров, они яростно выплясывали на пентагоновском квадрате. Этот дикий кураж со стороны походил на пляски на Лысой горе... Лиц различить невозможно, спины так плотно усеяны комарами, что фигуры танцующих походили на лохматые спины медведей. Странное это было зрелище. Единственная лампочка на высоком столбе в пыльном воздухе почти не освещала танцплощадку, и только тускло-радужные круги указывали на присутствие электроосвещения. Зато музыка гремела, наверное, в Астрахани было слышно. Музыкае особого значения не придавали... играет и ладно, ритм есть... барабаны бьют что-то среднее между полковым маршем и индейским там-тамом. Кеды ещё целые. И тем не менее, Джумалю не раз приходилось кричать, что танцы закончены, ведь детям вставать в пять утра, и работать до наступления непереносимой жары. А мне во сколько вставать? – вот это как раз никого не волновало. И моя соплюха тоже недовольно ворчала, что дескать жаль что-ли этому вредному Джумалю... ещё бы хоть с полчаса... Ну, тут она у меня, как говорил Жванецкий, «не длинно говорила». Мадам не работает, мала ещё и живёт на халяву. Главный пообещал, что не вычислит за дочку из моей зарплаты. Поэтому, где бы и надо, я рот не разевала – себе дороже.

Но и не боялась, что кто попрекнёт. А кто может? Зав-

хоз? Так с ним тоже дочка была, Женька. Сам Главный? Так у него сынок семилетний с ним. Прелестный мальчик Олег. И за этой вольной троицей тоже нужен был глаз, да глаз! Чей глаз? Пока старшее начальство «выбивало» у тутошнего начальства всякие нужные вещи, как например: мясо, сливочное масло, марлю, машину, баню, мыло, лекарства и т. д. – ясно, кого я пуще глаза должна охранять. А они бесконечно куда-то исчезали, паразиты, то ясно было, чей глаз был нужен. Жестокая я всё-таки мать. Сколько Радочка моя посуды перемыла, полов, в разные годы и в разных пионерских и трудовых лагерях. Тринадцать лет подряд мы с ней уезжали на всё лето – пахать! А вот не оставили эти тяжкие (можно подумать, были и лёгкие) годы неприязни в душе, и вспоминаются светло. Когда я поделилась с дочкой, писать ли мне про эту прогулку, Радочка обрадовалась... – Мам, напиши обязательно. Вот будет здорово! Какое счастливое время было! И про нас с Женькой, как мы посредине Волги плыли. Уж чего я не забуду, так этот заплыв двух девчонок. По Волге. Надо сказать, что моя умела плавать прекрасно, лучше меня. Жара стояла дикая всё лето. Плюс сорок в тени, и ни капли дождя. Естественно вся толпа в выходной день проводила у воды. Вышли и мы с Завхозом – вот забыла как его имя, а врать не хочу. Как раз проводился день Нептуна. Крики, визги, брызганье, веселье... Гляжу, а моей нет. И Женьки нет. Отец её подходит... – Николаевна, а чё-то наших девчонок не видно...

У меня сердце оборвалось. Молчу, глазами шарю... Куда могли деться? Подбежал Олежка, их подопечный, толкует нам, что дескать девочки велели ему сидеть тихо и ни-ни. Сами пошли туда... – Куда, Олеженька? – Сказали далеко, велели ждать. – Боже мой, не доживу я веку с этими детьми... Убью сучку, пусть только найдётся! В груди закаменело. Ви-ду мужику не показываю, успокаиваю. Тоже отец, сердце-то есть. Пока соображали что делать, куда бежать, от воды крики донеслись... Мы к кромке воды... По самой середине широ-ченной реки плывут две головёнки, чёрная и белая! Кто мог плавать, кинулись в воду. А эти драные пловчихи, как ни в чём не бывало, с широкими улыбками нам навстречу... Сил не было не то что отлупить... я плакала от счастья от-вернувшись, чтобы никто не видел моей слабости. Нет, про чувства лучше не надо. Горе там, радость, страх, пусть оста-нутся не главными в нашей жизни. Пусть будет просто по-вестование. Чувства, они уходят, меняются, а память всегда точно воспроизводит происходящее. Ну и ладно. Вот сильно мне охота про быт наш рассказать. В день, когда свалились с бугра в займище, был бестолковый и шубутной. Куда там цыганскому табору. Разбирались, кому где жить... тащили каждый себе выданные постели, и, что интересно, каждому положен был индивидуально полог из марли в виде балда-хина, как у персидского царя. Мы сроду не видели такого, и долго прикидывали, куда его пристроить. Кто-то привязы-вал его к спинке кровати (там завязочки пришиты были),

кто просто на койку вместо покрывала постелил. Управились мигом. Излишние вещи детей не отягощали, что на теле было, да пара трусиков в запас. Я с двумя девочками трепыхалась на кухне, собирая всю кухонную утварь, и готовилась к ужину. Мы приехали чуть раньше. Всё, как всегда. Менялись только географические места, где я проработала с детьми тринадцать лет. В смысле кормила их. Закончился ужин... Все собрались на линейку. Начальство втолковывало работничкам правила поведения, строгого их исполнения, и прочую лабуду! В это время солнце быстренько нырнуло от жары в Волгу, и воздух наполнился неземными, нами неслыханными звуками. Много позже мы научились различать голоса певцов и музыкантов. Мириады невидимых существ пели каждый на своей ноте и свои звуки. Разноголосоица тысяч лягушек, цикады, сверчки, всевозможные жуки, комары, какие-то птичьи голоса заполнили займище. По одну сторону нашего «стойбища» стоял стеной в два человеческих роста камыш, «который шумел». Казалось, он колыхался от этих невообразимых звуков. Это было так ново, невиданно и не слыхано, как в сказке. И в первую же ночь мы ощутили присутствие этих тварей в наших постелях. На другой день над каждой кроватью был раскинут марлевый балдахин, и каждый, ложась спать с невымытыми ногами, чувствовал себя шахом персидским! Под ногами в траве мелькали ящерицы, ужи, ежи, какие-то не то степные, не то земноводные, то ли муравьи, то ли жучары. Страх, одним словом.

К тому же, пацаны наладились девчонок пугать змеями. Напихают себе под рубаху, и ходят изголяются... девчонки визжат от страха, хотя ужики и не кусаются.

Нет, чего-чего, а скучно не было. К примеру про меня... Какая тут скука? Спать ложусь после двенадцати, поставив будильник в пустой таз. Только б не проспать... В полчетвёртого ночи бегу в белом халатике, на голое тело, в свою резиденцию, боясь наступить на змею. У них, поперёк моей тропы в густой траве, своя тропка. Пару раз наступала на маленького ужонка... Фуу... Под крылечком живёт семья ёжиков. Захожу на кухню. По глиняному полу вразнобой скачут лягушки, оглашено сверчат по углам страшные, как моя жизнь, сверчки. По стене ползёт какая-нибудь каракатица. Жуть... А что делать? Жить-то надо. Двух помощниц мне приставил умница Джумаль.

В городе специально выпросил двух девочек из кулинарного училища. Одна ещё в дороге задружила с парнем, видимо раскинула умишком кое о чём, и отказалась наотрез работать на кухне. Другая кулинар. Это тебе элита, не хрен с маслом. – Давай, Лилечка, быстренько два ведёрка картошки начисти. – Вы, что тётя Мара, я не умею, да и не буду картошку чистить... – Почему вдруг? – Так я ведь на кулинара учусь – не на повара... – А зачем ты, милая, ехала в такую даль? Ответ ошеломляет... – Джумаль сказал, что тортики, пирожные буду печь... – Ах, Джумаль сказал?! Тортики? Пирожные? Пошла вон. И везде-то он лапши этим ба-

бам-девкам на уши навешает. Попробовал бы с мужиками так. Не-ет, он с мужиками важный, не клянётся, говорит степенно. И все его любят, верят, особенно, бабы-дуры.

Лечу в «штаб» на разборку с начальством. – Ты кого мне привёз? Звезду Дуная?.. Ты хочешь меня уморить в этих степях?.. Сам иди, и чисти картошку! – Зачем сам? Николаевна, свет очей моих, не ругайся, кого хочешь, возьми, всё для тебя! – Ага, для меня? Ещё издевается нерусь... Для меня тут беспросветная тягомотина. С одними помощниками с ума сойдёшь... Только и даёт силы тянуть лямку та тыща, которая как солнышко ждёт меня где-то вдали. Тем не менее, нашлись в отряде две девушки и юноша мне на подмогу. Великое дело, когда человек по зову сердца идёт. Ну, и деньги им не лишние.

ЧАСТЬ 3

Конечно, вся моя жизнь и работа могла уложиться в три строки. Могла и вообще никуда не уложиться. Не-ет, надо было мне развести тут антимионию под названием «Сказки Шахерезады», или «Тысяча и одна ночь». Да куда той Шахерезаде? У меня не одна тысяча этих «сказок» наберётся. Вот, например, медицина. Конечно, ничего особо выдающегося в моих сказках не наблюдается. Если смотреть со стороны, и не очень внимательно... Но, я-то не со стороны смотрела, жила в самой гуще событий. Кому как, а вот мне такой факт, как выведение вшей из нечёсанных патлов некоторых пацанов, помнится очень хорошо.

Обычно к ночи, после работы, когда падаю под свой «балдахин», кто-нибудь да царапается в окно. Окно выходит прямиком на камыши. Это место, спасающее от стыда тех, у кого случается понос, или заводятся эти насекомые. Какой отдых? Паренёк мучается. Сама в своё время проходила такие процедуры... К Людмиле идти стыдно, она такая же студентка. Притом, у ней по вечерам всегда кто-нибудь из обожателей. Людка, стерва та ещё, но красивая... Да и нет у ней ничего такого, чем лечить. А простуды здесь нет. А у Людки только аспирин и стрептоцид, так она уже забыла, где он лежит. Так этот умник Джумаль отправляет носителей болезни ко мне. Вот и ходят они попозже, чтоб никто не видел.

У меня в каморке куль дусту стоит и два куля сухой горчицы. Горчица для мытья жирной посуды. Процедура несложная: беру целлофановый пакет, засыпаю склонённую голову страдальца дустом, мешок на голову и всё. – Беги, мой дорогой, в камыши... да потерпи, пока движение прекратится на голове... Глаза не открывай. Когда снимешь мешок, протряси волосы как следует. Вот и всё. Бегаёт в камышах, ухаёт, иногда матом ругается... просто так. Вши же там, под мешком, носятся как бешеные в предсмертных муках. Зато потом ребята для меня чё хошь сделают. Кукурузы моей любимой с полей привезут штук двадцатьтридцать, крупной. Я её в подсолённой воде сварю, маслом сливочным смажу, и едим все, кто рядом окажется. Раков наловят, полную рубаху приволокут с Немцевой Ямки. Смотреть не могу, как они медленно краснеют, когда их варишь, лезут по стенкам, цепляются за края посуды клешнями... жалко, а как иначе? Не сырыми же есть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.